

Кухарева Е.В. Типологически-универсальное и национально-специфическое в арабских пословицах и поговорках / Е.В. Кухарева // Универсально-типологическое и национально-специфическое в языке и культуре. Ч.2. - М.: РУДН, 2003. - С. 355-369.

Е.В. Кухарева

Типологически - универсальное и специфически - национальное в арабских пословицах и поговорках

Со всей уверенностью можно сказать, что в изучении проблем развития языка и как средства общения, и как кладовой знаний и памяти о материальных, социальных, духовных и культурных достижениях и богатствах различных народов, а также как системы со сложно организованной структурой, где каждый компонент выполняет свои строго определенные функции во взаимосвязи с другими элементами данной системы, огромная роль принадлежит так называемым “малым” жанрам фольклора - пословицам, поговоркам, загадкам и т.д.

Афористическая мудрость любого народа, выраженная этими жанрами, не только дает удобные для ведения речи знаки, образы и примеры, но и содержит комплект логических приемов, выраженных в ярких, запоминающихся образцах. По существу, каждый национальный пословичный фонд, а также международный пословичный фонд в целом являет собой не случайный набор более или менее удачных высказываний, а сложную и стройную логическую систему, основанную на выработанных веками и даже тысячелетиями правилах и приемах обыденного мышления, и предельно концентрированно, образно и точно передает многовековую житейскую мудрость, социально - этические идеалы и философские воззрения народа. Эта тема представляет интерес, так как наряду с этикетом, традициями и обычаями может служить **практическим** инструментом понимания и восприятия образа мыслей, оценки действительности, поведения представителей того или иного народа в различных ситуациях, а также изучения реально действующего, живого современного языка и его функционирования в форме конкретных, оригинальных речевых оборотов, характерных для той или иной этно - культурной или социальной группы.

В данной статье речь пойдет об универсальном и специфически - национальном в арабских пословицах, поговорках и других афористических высказываниях. О том, что, с одной стороны, сближает их с аналогичными высказываниями в других языках, а с другой - придает им неповторимое очарование, особый аромат и характер, связанные с национальными, историческими и культурными традициями арабских народов.

Пословицы и поговорки - это определенные логические единицы, устойчивые, широко распространенные клише, выражающие то или иное явление. В отличие от других устойчивых фразеологических оборотов и афористических выражений, имеющих также широкое распространение, пословицы имеют свою специфику. По определению Владимира Даля: **“Пословица** - коротенькая притча... Это - суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком... Как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения...” [3, с.10-11] Очень близкое определение пословицы дают и арабские ученые разных времен, хотя надо заметить, что арабское слово “масаль” имеет более широкое значение, чем собственно “пословица, поговорка”, и включает в себя еще то, что В. Даль определяет как **“пословичные изречения** - вошедшие, в виде пословицы, в беседу, хотя и не заключают в себе никакой притчи, иносказания, обиняка” [3, с.11].

Так арабский ученый Абу ль-Бака аль-Куфи в своей работе “Общие понятия” (“Аль-куллийат”) дает следующее определение пословиц: **“Пословица (“масаль”)** - название

С точки зрения логико-ситуативного содержания, все они могут обладать (или не обладать) мотивировкой своего общего значения, причем как прямой, так и образной, или переносной. Прямой смысл чаще проявляется в пословичных выражениях, представленных отдельными словосочетаниями: *"Рассеялись, как сабейцы"*[12, с.16]- *"Рассеялись, как в море корабли"* (рус.), то есть исчезли, *"Недоступнее, чем орел в небе"*[12, с.16], то есть очень далеко, трудно достижимый. Либо это афоризмы, авторами которых являются известные и уважаемые люди. Это весьма характерно для арабских пословиц (*"Благочестие и набожность - голова нравственности"* *"Кто видит свои пороки, не интересуется чужими"* *"Берегись дружбы скупца: он лишит тебя самого необходимого"* [12, с.34,36] и т.д. Это - высказывания четвертого праведного халифа имама Али бен Абу- Талиба). Пословицы и поговорки имеют, как правило, переносный смысл, то есть обладают "образной" мотивировкой (*"Дал ему палец, а он откусил локоть"* [4, с.148]- помог человеку в чем-то, а он требует еще и еще (*"Федюшке дали денежку, а он и алтына просит"*(рус.) [3, с.78] . *"Дерево с гибким стволом имеет много ветвей"*[12, с.36]- дружба требует гибкости и мягкости по отношению к друзьям . *"И строптивного, пугливого верблюда можно оседлать"*[10, с.2] -с помощью хитрости, выдумки и терпения можно в конце концов добиться цели). Вместе с тем грани эти весьма условны, ибо многие пословицы имеют не только переносный, но и прямой смысл (*"И строптивного, пугливого верблюда можно оседлать"* - умелый наездник может оседлать и ездить верхом и на упрямом или пугливом верблюде или коне.)

В отличие от слов и фразеологических оборотов пословицы представляют собой т е к с т ы, т.е. словесные образования, имеющие самодовлеющее значение и могущие быть использованными самостоятельно (*"Ни над чем не насмехайся, как бы это не обернулось против тебя"*[10, с.170]; рус.: *"Не плюй в колодец, случится и водицы напиться"*). Слова и фразеологические обороты являются лишь частью текста. Как и все фольклорные тексты паремии обладают собственной т е м о й, т.е. о чем-то говорят (почтительное отношение к старшим, родителям, женщинам, гостеприимство: *"Дай гостю хоть лепешку с лепешкой, лишь бы он не лег спать голодным"*(ирак.) [1, с.73]; понятия чести, достоинства: *"Прощение от могущества"*, *"Простить вовремя - признак благородства"*, *"Снисходительность дополняет щедрость"*, *"Будь милостив к тем, кто ниже тебя"*[1, с.71]; такие черты характера, как смелость: *"Кто не множит своих клыков, бывает съеден"* [12, с.22], *"Не оседлаешь страха - не достанешь своих желаний"* (ирак.) [1, с.70], *"Кто боится падать, не научится ездить верхом"*[4, с.46], рус.: *"Волков бояться - в лес не ходить"*; скромность, толерантность, благожелательность и др.) В принципе такой набор характерен для любого народа. Слова и фразеологические обороты не имеют собственной темы и могут быть употреблены по любому поводу. Все паремии ситуативны т.е. не только употребляются в какой-то ситуации, но сами эту ситуацию моделируют и даже обозначают. "Пословичные изречения являются знаками и одновременно моделями различных типовых ситуаций или отношений между вещами." [8, с.30]. Вместо того, чтобы объяснять, что при отсутствии какой-то вещи сгодится другая, которая не обладает всеми свойствами первой, русский говорит: *"На безрыбье и рак -рыба"*, араб: *"Среди слепых и одноглазый - султан"*, а армянин: *"Когда нет коня, и осел сгодится"*. Причем смысл этих пословиц ясен даже человеку, не знающему их, ибо они не только служат знаками определенной ситуации, но и моделируют ее понятными всем образами. [8, с.30].

Именно в тематике и ситуативности мы можем наблюдать наибольшее сходство пословиц и поговорок разных народов. Ученые - паремиологи (специалисты по народным изречениям) по-разному отвечают на этот вопрос. Одни объясняют сходство пословиц и поговорок этническим и языковым родством народов[9,с.6]. Другие видят причину в заимствованиях, обусловленных хозяйственными и культурными контактами [12, с.13].

Третьи - сходством исторического опыта и однородностью идеологии на одинаковых ступенях исторического (общественного) развития.[8, с.16]. Арабские пословицы в своей основе имеют различные источники. Одни бедуинского происхождения, другие родились в Мекке или Медине (доисламского и особенно мусульманского периода) , в Хире или Басре (Ирак), в Васите или Хомсе (Сирия). Некоторые христианского корня и вышли из Евангелия и других христианских священных книг. Происхождение иных неясно, ибо они кочевали от народа к народу, а арабы лишь придали им свойственную арабскому менталитету форму.

Так же как и паремии(народные изречения) в других языках арабские пословицы и поговорки бывают однотемными и многотемными. Большая часть арабских пословичных изречений являются синтетическими, которые по определению - многозначны и могут использоваться для рассказа о разных вещах, хотя в чем-то сходных. Это происходит потому, что реалии, на которых они построены, важны в них не сами по себе, а как показатели тех или иных обобщенных свойств. Свойства же эти встречаются в любой области жизни. Например, "*Не учи сироту плакать*" [10, с.43]. Речь здесь идет не о сироте и обучении его плачу, а о бесполезности учить мастера в каком-то деле его же ремеслу. Русская пословица по этому же поводу гласит: "*Ученого учить - только портить*". Такие ситуации могут быть в любой сфере жизни и деятельности людей. К однотемным относятся различные приметы, хозяйственные и бытовые наблюдения, рекомендации и другие аналитические наблюдения (клише), которые по определению однозначны, говорят о чем-то одном. Например, арабы часто дают характеристику человеку, сравнивая его с животными, с которыми они постоянно общались, жили рядом с ними, наблюдали за ними. Отсюда: "*Смелее льва*", "*Осторожнее ворона*", "*Бесстыднее обезьяны*" [11.8, с.220] и т. д. (Сравнить: рус. "*Хитрый, как лиса*", "*Дрожит, как заячий хвост*").

Что касается национально-специфического в арабских пословицах и поговорках, то безусловно, что в них, " как и в любом другом жанре фольклора, находит свое отражение все, чем живет и с чем сталкивается тот или иной народ на протяжении веков. Здесь и полный набор этнографических реалий, начиная от орудий труда и кончая нарядами, и всесторонняя характеристика географической среды с ее ландшафтами, климатом, животным и растительным миром; здесь и воспоминания о давно минувших событиях и выдающихся исторических личностях, отзвуки древнейших религиозных воззрений и подробная картина современной организации общества" [8.4, с.15].

Однако, на наш взгляд, это - внешняя, видимая, сторона национальной специфики. Здесь, по-видимому, на первый план выступает то, что касается плана содержания слова, его семантики. А именно, так называемое лексическое понятие, - естественно, онтологически (т.е. применительно к реальному функционированию слова в речи человека) [2, с.11]. "Понятие – это "правило, применение которого к описанию объекта позволяет определить, принадлежит ли данный объект к тому множеству, которому соответствует рассматриваемое наименование". "Та категория психики (точнее, сознания), которая называется понятием – это сначала (по происхождению) продукт и затем (по функции) инструмент одной из познавательных способностей человека, а именно классифицирующей." [2, с.13]. И именно здесь мы находим те различия, которые и придают национальным пословицам и поговоркам особый характер, так как они содержат понятия, связанные с национальной культурой. То, что советский ученый -лингвист Н.Г.Комлев (Комлев Н.Г. О культурном компоненте лексического значения. - Вести. Моск.-го ун-та. Филология, 1966, №5) называет культурным компонентом значения слова. Он продолжает: "Признавая наличие какого-то "внутреннего" содержания слова-знака, т.е. факта, что слово - знак выражает нечто кроме самого себя, мы обязаны признать и наличие культурного компонента. Слова языка как социального явления несут на себе отпечаток жизни общества, его материальной и духовной

культуры. Это "культурное значение" есть часть языка" [2, с.46]. Таким образом, поскольку слово непременно выражает нечто, расположенное вне системы реляционных средств выражения, передает так называемое экстралингвистическое содержание(кроме искусственно изобретенных в экспериментальных целях), лексическая семантика(пусть хотя бы лексическое понятие) представляет собой "часть языка", выступает как языковое явление." [2, с.42-43]. (Кстати, это дает возможность использования пословиц и поговорок для изучения языка как системы).

Так, например, отражение в арабских пословицах таких качеств, как достоинство, щедрость, великодушие, благородство. Своеобразие заключается в том, что арабское слово "**карама**" и его производные объединяют все эти понятия. "*Кто щедр душой, тот не подвержен алчности*" [12, с.34], "*Щедрый дает, а у скупого сердце болит*", "*Рука дающего лучше, чем рука берущего*" (ирак.) [1,с.74], "*Снисходительность дополняет щедрость*" [1, с.71], "*Щедрее Хатима*" (Хатим Тайя - доисламский поэт, прославившийся своей щедростью и гостеприимством) [12, с.35]. Для арабов-бедуинов щедрость есть признак благородства. Суровые условия жизни в пустыне, где все добывается с трудом, где выжить может лишь терпеливый и одновременно готовый прийти на помощь тому, кому хуже, воспитывают такие качества. Достойный человек не может быть невеликодушным и жадным, хотя подчас это превращалось в безудержное расточительство, что тоже нашло свое отражение в пословицах: "*Если одеваться, так в шелк, если дружить, так с принцем*"(лив.) [8, с.217], "*Влюбляться - так в луну, красть - так верблюда*"(сир., лив.) [8, с.218].

Или пословицы, которые связаны с таким понятием, как "**верблюд**". С одной стороны, это - реалия жизни в пустыне, животное с ценными и полезными качествами, необходимыми для выживания в суровых условиях. Поскольку верблюд имел и имеет огромную ценность для бедуина, нет ничего удивительного в том, что он очень часто вплетается в ткань пословиц и поговорок. С другой стороны - в разнообразии обозначений этого животного в пословицах и поговорках находит свое отражение представление арабов-кочевников о красоте, элегантности, благородстве или строптивости в поведении и т.д. При этом в арабском языке существует не одно слово для обозначения верблюда, а достаточно много, характеризующих различные качества, возраст, пол этого замечательного существа. Например, "**сааб**" - "пугливый верблюд"(Слово "**сааб**" - прилагательное, означает "трудный, тяжелый; упрямый, непокорный". Пугливый, упрямый, строптивый верблюд трудно поддается приручению и управлению.) Или "**ашва**" "слепая верблюдица" ("**ашва**" - "слепая"). Наиболее распространенное арабское название верблюда "**джамаль**" происходит от корня, в котором заключено значение " быть красивым". Слово "**нака**" - верблюдица, в основе своей несет понятие "быть элегантным, изысканным". В этом проявляется национальная специфика восприятия определенных явлений и качеств, определенных понятий, скрывающих в себе так называемый "культурный компонент", что и отличает один язык от другого. Так, для нас верблюд - скорее экзотика, для араба-кочевника - это нечто большее: верблюд и транспорт, и кормилец, и товар, и символ благополучия и т.д. Для нас верблюд - животное достаточно уродливое из-за своего горба. Для араба-кочевника - в неспешной, горделивой поступи этого странного животного чувствуется достоинство, элегантность, красота плавных движений, надменное достоинство. "**Кад юмта ас-саабу баада мо рамахат**" - "*И строптивного, пугливого верблюда можно оседлать*". [10, с.2] "**Иннаху яхбиту хабта аль-ашва**" - "*Он топчется, как слепая верблюдица*" (" *Делать что-то наобум*") [12, с.16]. "**Ля нака ли фиха уа ля джамалья**" - "*В этом нет для меня ни верблюдицы, ни верблюда*"(" *Это дело меня не касается, в нем нет у меня интереса*"). [10, с.115].

Доисламское представление о доблести мужчины заключается в понятии "**мурувва**" (букв. "мужественность") - это своеобразный "кодекс чести", включающий щедрость и

гостеприимство, честность, верность и преданность, но прежде всего личную отвагу, беспредельный героизм, суровость, граничащую с жестокостью в кровной мести, месть любому оскорбителю словом или делом чести бедуина, или его родственника, или его племени. Для мужчины следовать этим нормам нужно было любому, независимо от происхождения, социального положения или религиозной принадлежности. Причем все это имело ярко выраженный наступательный характер, что было связано с постоянными битвами и набегами, которые часто являлись единственным условием выживания племени *"Катала хатта кутила"* - *"Он сражался, пока не был убит"*. [5, с.41]. Трусость порицалась самым жесточайшим образом: *"Не всякий, кто в тигровой шкуре - храбрец"* [8, с.284]. *"Лучше гореть в огне, чем жить в позоре"* - [4, с.138]. Бегство с поля боя одного ложилось несмываемым пятном на честь всего племени. Военское дело - главное занятие и способ существования кочевого населения Аравии в доисламский период. А отсюда постоянная готовность к войне: *"Кто не борется со злом, сам творит зло"* [12, с.22], *"Кто не противостоит разливу - тонет"* [12, с.22], *"Кто не множит своих клыков, бывает съеден"* [12, с.22], *"Не оседлаешь страха - не dostанешь своих желаний"* (ирак.) [1, с.70], *"Кто боится падать, не научится ездить верхом"* [4, с.46] и т.д. Было бы несправедливо отказать другим народам в близком понимании такого качества, как отвага, смелость (*"Смелость города берет"*, *"Волков бояться - в лес не ходить"*, *"Кто смел, тот и съел"* (рус.)) Однако, на наш взгляд, именно наступательность, готовность к стычкам, боевым действиям является характерной, специфически - национальной чертой характера бедуинов-кочевников доисламского периода, отраженной в пословицах. Интересно отметить, что **"мурувва"** в торговых обществах доисламской Мекки, Ливана (до сих пор) включала и включает еще предприимчивость и удачу в делах. Например, для обладателя такой "муруввы" не зазорно обвести вокруг пальца простака или надуть самодовольного спесивца, он должен уметь дешево купить и дорого продать. [7, с.83]

Еще одним проявлением специфически - национального в арабских пословицах и поговорках можно считать такое понятие, как **"асабийя"** - высокое сознание единства, племенной дух, сильная приверженность и верность роду (племени) по мужской линии. [6, с.61] Например, для бедуинов, живших и живущих по законам патриархального общества, в котором была распространена кровная месть, проступок или преступление одного члена рода или племени были равносильны преступлению всего рода или племени, ответственность за каждого члена племени лежала на всех родичах, поэтому говорили: *"Преступление - творение всего племени"* [12, с.15], а также *"Помогай сородичу - будь то угнетатель или угнетенный"* [12, с.17], иракский вариант: *"Будь со своим братом в радости и в горе"* [1, с.70], *"Брат - твой меч, если с тобой приключилось несчастье"* [10, с.78], *"Помогай своему брату хотя бы словом"* [10, с.81]. При этом следует отметить, что исламу, который пытался противопоставить этому понятию религиозное единство, преданность и верность Аллаху, братство всех мусульман, так и не удалось полностью искоренить доисламские обычаи и традиции, особенно касающиеся преданности своему роду, племени, защиты чести, достоинства своих соплеменников. Междуусобные войны, похвальба друг перед другом представителей разных родов, кланов, племен не только сохранялись, но в период Омейядов даже вернулись к своему первоначальному состоянию. Да и сейчас, в наш просвещенный и технологический век, арабы (особенно из бедуинов) прекрасно знают, кто к какому роду-племени принадлежит, какое место в социальной иерархии занимало и занимает это племя или род, и гордятся принадлежностью к самым известным родам и племенам. Так что своего рода племенное чванство пережило все эпохи, что также указывает на **стойкость** проявления определенных черт **национального менталитета**. Следует отметить, что понятие "родства" также широко представлено, например, в русских пословицах. Однако упор делается не столько на единство,

взаимовыручку, сплоченность, сколько на характеристику тех или иных качеств, свойственных выходцам из разных социальных слоев, семей и т.д.: " *Чьи вы, цари ли царевичи, аль короли королевичи?*", " *Неродословному с родословным местничать*", " *Яблоко от яблоньки не далеко откатывается*" и т.д.[3, с.451])

Вызывает интерес и отношение арабов и к такому понятию, как " *власть*", " *управление*". В арабском языке оно передается несколькими словами: " *султа*", " *хукм*", " *хукума*". Первое восходит к корню, означающему " быть острым, быстрым на язык", в другой форме - "братъ на себя", "распоряжаться, господствовать". Второе - к значению "управлять, господствовать"; "судить", и что особенно примечательно, к значению "быть мудрым". Общество и порядок у бедуинов ассоциировались с управлением и властью эмира - " *Худшая из стран, в которой нет правителя*" [12, с.18], " *Без старшего нет порядка*" (сир.) [8, с.327]. Власть при этом должна быть справедлива ко всем: " *Лучший правитель - радеющий о всеобщем благе*", " *Самый несправедливый правитель тот, кого боятся честные (невинные, не совершившие ничего плохого, греховного) люди*" [12, с.18]. Власть должна быть мудра и уметь выбирать помощников и советчиков: " *Лучший советчик тот, кто дает советы не на виду у всех*" [12, с.18]. В представлении арабов-бедуинов, мудрость и справедливость власти заключается еще и в умеренности, равновесии: " *Кто ущемляет и притесняет - отпугивает, а кто проявляет снисходительность - приручает*" [12, с.18]. Как раз такое отношение к правителю, возможно, лежит в основе всепоглощающей любви арабов к своим вождям, как бы к ним не относились в других странах, и в наши дни. Это отражение глубоко укоренившегося патриархального отношения к вождю племени - радетелю за благо своих сородичей, от мудрости которого, его ловкости, умения вести дела, противостоять врагам, зависел порядок в племени и его благоденствие. Такое отношение резко отличается от любви народов в современных европейских странах с монархическими режимами к своим монархам. Король в Европе - это символ нации, и, если не будет неуважительно сказать, национальный "фирменный знак". Для араба глава государства, кем бы он ни был - королем, эмиром, президентом - это "отец" народа, заботливый, хотя и строгий, справедливый к своим "детям", заботящийся об их благе, защищающий их от врагов.

Таковы некоторые соображения по вопросу о проявлении типологически - универсального и специфически - национального в арабских пословицах и поговорках. В рамках одной статьи невозможно охватить всего спектра этого обширного вопроса. Поэтому лишь отметим еще раз, **что отраженные в пословицах и поговорках жизненные ситуации тесно связаны с социальной структурой общества и жестко определяется ею, все они несут на себе отпечаток того времени, места, конкретных реалий, которые их породили и являются словесным выражением, хранилищем и своего рода курьером от поколения к поколению основных понятий, связанных с особенностями восприятия и познания окружающей действительности, зеркалом национального менталитета и национального характера.**

Литература:

- 1.Амирьянц И.А., Самир ат-Тайар. Иракский этикет. В сборнике статей "Этикет у народов Передней Азии. М. 1988.
- 2.Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. "Лингвострановедческая теория слова" Москва, изд. 1980.
- 3.Даль В.И. "Пословицы русского народа". М. 2000г.

